

Заглавие документа	Названия болот в системе гидронимии: номинативно-ономазиологический аспект // Веснік БДУ. Серыя IV. Філалогія, журналістыка, педагогіка. – № 3. – С. 51–56.
Авторы	Копач О.И.
Тема	Языкознание
Дата публикации	2003
Аннотация	Названия болот рассматриваются на фоне топонимии США и Беларуси. Определяется ономазиологическая структура топонима, выделяются категории, обусловившие появление и функционирование наименований естественных объектов, и субкатегории, которые вызваны своеобразием их восприятия и особенностями номинации единиц разных гидронимных подсистем.

Гелонимы – составная часть гидронимной и, шире, топонимной системы определённой территории. Как и другие географические имена, названия болот призваны выполнять функцию знака-ориентира на местности, о чём неоднократно упоминалось в топонимической литературе. Давая индивидуальные имена отдельным представителям окружающего мира, человек тем самым избавляет себя от необходимости подробного описания местонахождения объекта. Опыт фиксации локальных особенностей ландшафта, запечатлённый в знаках-онимах, составляет существенную часть человеческой культуры, знания, его организации и способов представления.

Направления номинации географических объектов сложились исторически, “отшлифовались” за долгое время функционирования. Исходя из сложившегося взгляда на имена собственные как вторичные, возникшие из имён нарицательных, внутрилингвистический механизм номинации можно в общих чертах обрисовать следующим образом. Образы, возникшие у человека при встрече с реальией, породили необходимость засвидетельствовать этот опыт эксплицитно, сублимировать неупорядоченные образцы неуловимого воображения в нечто осязаемое – языковую форму. Последняя, зависящая от языковой

системы, строя конкретного языка, вынесла на обозрение лишь то, что может быть реализовано посредством уже выработанных языком моделей, определённых последовательностей морфем или способов сочетаний слов. Таким образом, только тот потенциал структуры – средства и способы соединения единиц плана выражения, – который к моменту формирования онимической подсистемы языка был заложен в данной языковой системе предыдущим языковым опытом, оказывается способным найти отражение в именах топообъектов.

Такой замкнутый внутрисистемный подход констатирует включённость имён собственных в языковую систему, но он не позволяет объяснить причины структурных и семантических различий между подсистемами единой гидронимной системы. Процесс наделения объекта именем опосредуется в деятельности субъекта не только языком. Если бы дело было только в языковых особенностях, то даже количественных отличий в структуре и семантике мотивирующих основ названий болот, озер и рек не существовало бы. На самом деле такие отличия наблюдаются: каждая из подсистем гидронимии имеет свои качественные и количественные особенности. Поэтому той исходной точкой, которая направляет мысль об объекте мира в определённое русло, является, по-видимому, невербальное знание.

Если рассматривать наименования болот с ономаσιологических позиций, то логично было бы предположить, что не только имена разных частей речи, но и имена разных топонимных подсистем “должны отличаться от других особым способом представления действительности в особых речемыслеительных категориях” (Кубрякова 1978, 30). Интересным поэтому видится рассмотрение ономаσιологической природы гелонимов, тех категорий, которые обусловили появление этого разряда имён в топонимии, а также возникших в результате этого закономерностей функционирования этой подсистемы гидронимии, групп онимов внутри неё.

В данной статье рассматриваются названия болот, причём на фоне всей топонимии США и Беларуси. Определяется ономаσιологическая структура топонима, выделяются категории, обусловившие появление и функционирование наименований естественных объектов, и субкатегории, которые вызваны своеобразием их восприятия и особенностями системы номинации единиц разных гидронимных подсистем. Материалом исследования служат данные информационной системы географического общества Соединённых Штатов Америки и сведения о белорусских наименованиях водных объектов, почерпнутые из энциклопедий “Блакiтная кнiга Беларусi” и “Энцыклапедыя прыроды Беларусi”. В общей сложности к анализу привлечены более семи тысяч гелонимов и около 30000 других гидронимов и топонимов.

Основания применения ономаσιологического подхода к изучению топонимии

Предыдущий опыт исследования собственных имён лингвистами даёт основания для изучения свойств онимов с точки зрения когнитивной теории языка. Здесь мы имеем в виду прежде всего важность экстраполяции терминов *поле*, *пространство* на сферу науки о собственных именах, а также определения закономерностей отдельных полей топонимии и ономастики в работах лингвистов. Несмотря на своеобразие проявления в именах собственных свойств общей лексики, никто не отрицает принадлежности онимов к лексической системе определённого языка.

Практика исследования лексико-семантических групп, по которым топонимы распределяются исследователями в соответствии с выработанными принципами номинации: свойства и качества объекта, связь объекта с другим объектом, связь объекта с субъектом (Ковалева 1971, 136) позволяет отметить пути номинации единичных объектов, сопоставить соотношение этих групп в различных подсистемах общей системы наименований. Обнаруженные таким образом отличия окажутся значимыми не только в отношении характеристики топонимической системы

территории, но и для вывода об особенностях категоризации кусочка объективной действительности.

Весьма полезной в связи с поиском места гелонимов в организации системы знания видится нам концепция ядерно-периферийных отношений в онимическом пространстве, разработанная В.И.Супруном (Супрун 2000, 15-17). В ней даётся общий итог рассмотрения разных составляющих ономастического пространства и некоторые общие закономерности межполевого взаимодействия, ядерно-периферийные отношения, характерные для онимической системы. Она даёт основу для более детального общетеоретического рассмотрения каждого класса собственных имён с точки зрения ономазиологии, позволяет взглянуть на каждую из подсистем как на потенциально обусловленную особенностями восприятия определённого рода объектов и, как следствие этого, подчиняющуюся определённой категориальной и субкатегориальной семантике.

Каждая из топонимных подсистем характеризуется как общими, так и специфическими, одной ей присущими, свойствами. В наименованиях болот всегда представлены не только собственно гелонимные типы построения: англ. *Byron-Bergen Swamp*, *Reiser-Shokley Swamp*, бел. *Скачальскага возера масіў*, *Бяроза-Лосіцкае балота і Весніна* и др., – но и наименования, построенные по общегидронимным и общетопонимным схемам с учётом детерминированной языком возможности сочетаемости составляющих оним компонентов: англ. *Dragon Swamp*, *Dog Pond*, *Cabbage Creek*, бел. *Жмурынскае балота*, *Каменны Мост*, *Пятрова Паляна* и др. Последние перечисленные примеры принадлежат схеме “определяющее + определяемое”, хотя, судя по номенклатурному термину, относятся к разным топонимным полям.

Симметрия образования собственных и нарицательных имён

Собственные имена, в том числе топонимы, в течение долгого времени рассматривались как своеобразные “нарушители традиций”. Готовые субстантивировать любую часть речи, словосочетание и даже

предложение, эти полноправные единицы языковой системы всегда изучались на особых основаниях. Правда, при всей своей специфичности проприальная лексика всегда оказывалась принципиально изучаемой лингвистическими средствами. К чему же сводились поправки на топонимное своеобразие?

Традиционно лингвисты ссылались на необходимость изучения географических имён на топонимном уровне, не без основания указывая на тот слой лексики языка, который активно участвует в создании системы знаков-указателей на местности (другие топонимы) и который необходимо учитывать при исследовании топонимов. При образовании нового наименования географического объекта мотивирующей основой может служить как единица общей лексики, так и другое собственное имя – имя человека или близлежащего объекта и т.п.: англ. *Beaver Swamp*, *Aaron Swamp*, *Boeuf River Marsh*, бел. *Ясень*, *Торбалава*, *Чэrvеньскае балота* и др.

С одной стороны, это обстоятельство позволяет некоторым лингвистам говорить о более широкой семантике онимов по сравнению с апеллятивами, способной вместить в себя разнородные группы единиц (системный/генетический подход). С другой стороны, это же обстоятельство даёт повод рассматривать собственные имена как подкласс системы языка, в котором все особенности предшествующих этапов существования слова нивелируются, теряют своеобразие и оно становится “меткой”, “жёстким десигнатором” (индивидуальный/функциональный подход). Есть и третий путь рассмотрения проблемы, который заключается в том, что “имя проживает несколько этапов, и в каждом у него своя семантика” (Теория и методика ономастических исследований 1986, 108) (изменительный/антропогенный подход).

Для первого подхода характерно внимание ко всем возможным линиям мотивации, при втором в учёт принимается только настоящий момент существования знака для обозначения объекта действительности, третий

подход основан на способности человеческого сознания находить для непонятных или недопонятых слов понятную основу. Все эти подходы дают возможность отметить 3 основных момента в существовании топонимии: а) избирательная признаковость при наделении объекта именем, б) дальнейшее асемантичное бытие топонимного знака в пространстве языка, в) способность названий географических объектов утрачивать связь со своей производящей основой и восстанавливать её, опираясь на знакомый, но не связанный с генетически исходным признаком. Таким образом, по своей сути проблема семантики собственного имени сводится к решению вопроса о мотивации – потенциально возможной, несущественной в данный момент или приспособленной к новому состоянию сознания людей, населяющих данную местность. Тем не менее, все три подхода констатируют наличие мотивации при исходном наделении именем.

Все географические имена являются вторичными по происхождению, т.е. производными единицами. Вторичный статус гелонимов предполагает, что они образуются посредством перевода имён из одного класса знаков в другой: англ. *a panther* > *Panther Swamp*, *Abe Emerson* > *Abe Emerson Marsh*, *Alligator Lake* > *Alligator Lake Swamp*, бел. *лебяды* > *Лебяды*, *пясчаны* > *Пясчанка*, в. *Юхавічы* > *Юхавіцкі Мох* и др. Все имена объектов как-то мотивированы, а следовательно, выводимы из некоего источника номинации. Перевод из апеллятивной или проприальной части лексики в гелонимную подсистему гидронимии может осуществляться как при помощи материально выраженных средств (аффиксов, номенклатурных терминов и т.д.), так и посредством сообщения готовой номинативной единице новой функции, однако всегда на базе других номинативных единиц. В структуре номинативной единицы поэтому сочетаются зафиксированный ранее признак (базис) и операция (новый признак), при помощи которой прежнему признаку придаётся характер новизны, фиксации новой частицы знания (Кубрякова 1978, 84). Следовательно, в ономазиологической структуре гелонимов так

же, как и в производных нарицательных именах, присутствуют два компонента – ономаσιологический базис и ономаσιологический признак.

Несмотря на то, что топонимы часто считаются асемантичными, не несущими в себе понятийного содержания единицами, нельзя не отметить их способности к обобщению в пределах топонимного ряда: англ. *Eagle Hill* > *Eagle Hill River* > *Eagle Hill River Marshes*, бел. в. *Слабада* > *Слабадское балота* и др. В этой связи абсолютно прав Д.И.Руденко, отметивший, что “имена собственные – слова естественного языка, и в этом смысле они не могут не иметь хотя бы отчасти обобщающей природы” (Руденко 1990, 234). Топонимы, входящие в микросистему конкретного участка местности, отражают расположенные на этой территории объекты, не столько устанавливая “бессмысленные метки”, сколько характеризуя её с опорой на окружающие реалии. Причём этот экстралингвистический контекст включает как проприальные, так и апеллятивные опорные точки-источники процесса номинации: англ. *Bear Swamp*, *Bird Swamp*, бел. *Кулік*, *Воўчае балота* и др.

Следует, тем не менее, подчеркнуть, что эта обобщённость не носит понятийного характера, как в апеллятивной лексике. В именах собственных представлена денотативная обобщённость/отнесённость, обусловленная одним из широкого потенциально возможного ряда признаков, характеризующих объект. При этом собственные качества объекта (размер, скорость течения, и т.п.) играют незначительную роль и повторяются во многих названиях в силу того, что лексика, представляющая их, довольно ограничена: ‘большой’, ‘маленький’, ‘быстрая’, ‘медленная’ и т.д.

Из сказанного следует, что ономаσιологические структуры онимической и производной общелексической единиц подобны, отличаясь тем, что в последней отражается понятие, которое несёт в себе производящее слово, а в первой в большинстве случаев – пространственная привязка к объектам территории.

Топонимия: путь от адъективности к субстанциальности

Человек мыслит категориями: за долгий путь, который он прошёл на этой земле в его мышлении сложился опыт познания мира, особый способ рассмотрения любого объекта приложения человеческой деятельности. Этот опыт в большинстве ситуаций заставляет его действовать стереотипно, по схемам, которые закрепились в памяти, стали неотъемлемой частью его взгляда на мир. Для нарицательных имён серьёзным подтверждением этого становится факт существования частей речи и позиций, которые их представители занимают в предложении. Субъект, определяющий место объекта в собственной познавательной деятельности, опирается на те принципы, которые были применены в отношении к подобным реалиям, объектам той же сферы, что и новопознанные. Результатом применения этих принципов становится возможность говорить о системности в номинации, в том числе в топонимии.

При рассмотрении процесса онимообразования на первый план выходит проблема мотивации, поскольку, как мы уже отметили, имена собственные являются вторичными по происхождению. Зависимое положение онимов выражается в том, что они используют основы и топонимные форманты, которые отработаны в познавательном опыте носителей языка. Собственно топонимным является только процесс соединения в индивидуализирующем знаке готовых элементов языковой системы. Это значит, что при номинации топообъектов субъект пользуется номинированными признаками рассматриваемого объекта, вторично использует сформированную на предшествующих стадиях развития категорию или категории: бел. *белы* > **Белая** (река), *Кузьма / Кузьмін* > **Кузьмино** (озеро), *зялёны лес* > *Зялёны Лес* (болото); англ. *a big river* > **Big River**, *Adams* > **Adams Swamp**, *Bachman Lake* (озеро) > **Bachman Lake** (болото).

Процесс создания языковых знаков для обозначения большинства отдельных представителей одного рода объектов можно

охарактеризовать как движение от признаковости/атрибутивности к субстанциальности. Универсальное стремление онимов к субстанциальности оказалось отражённым в лексико-грамматических классификациях, где оппозиция “имя нарицательное – имя собственное” оказывается одной из антиномий лексико-грамматических разрядов имени существительного.

Свидетельством того, что именно категория признака является определяющей при естественной топонимной номинации, могут служить результаты структурно-семантических классификаций топонимов разных территорий. Если обратиться к славянской проприальной лексике, то можно отметить значительное превосходство в поликомпонентных единицах атрибутивных отношений между главным и зависимым словом: бел. *Вялікая рэчка* (река), *Ямнае возера* (озеро) *Чорны Мох*, *Буянава балота* (болота) и др. Это особенно ярко проявляется в названиях менее крупных объектов, где эксплицитное отнесение к определённому онимическому полю просто необходимо для чёткой ориентации в пространстве. Именно поэтому в славянских микропонимах чаще сохраняется отмеченная И.С.Просвирниной “изначальная продуктивность и проницаемость всех трёх структур: словосочетания, прилагательного как эллиптированного словосочетания, субстантивированного прилагательного или существительного как результата поэтапного топонимообразовательного процесса” (Просвирнина 1999, 9): бел. *Рамжына*, *Старахракавіцкае*, *Кур’янава балота*. Подавляющее преимущество атрибутивных сочетаний можно наблюдать и в американских двухкомпонентных наименованиях: англ. *Big Cypress*, *Alligator Swamp*. Монокомпонентные единицы славянского онимического пространства тоже служат наглядным примером частого использования в топонимической системе категории признака: в названиях рек и особенно озёр субстантивированные прилагательные занимают значительное место: *Баярская*, *Катылоўская* (реки), *Паддворнае*, *Леванова* (озёра).

Ономазиологическая структура топонимов сохраняет многие характеристики, свойственные адъективной общей лексике. Даже в одном из утверждённых и ставших классическим параметре номинативной деятельности в топонимах – принципе номинации – проявляются особенности, свойственные признаковым именам. Такие принципы создания топонимных единиц как “по свойствам и качествам объекта”, “по связи с субъектом”, “по связи с другим объектом” лишь констатируют особость проявления в онимической лексике категорий качества, принадлежности, отношения, свойственных адъективам и отражённых в этом сигнификативном классе апеллятивной лексики формами качественных, относительных и притяжательных прилагательных. “Атавизм” признаковых имён ощущается и при употреблении онимов в предложении: мы можем употребить топоним в целом виде – с номенклатурным термином, относящим название в рассматриваемое поле, например: *Пошли на реку Волгу*. Совершенно очевидно, что в этом предложении собственное имя является определяющим компонентом для словоформы *на реку*, которая играет синтаксическую роль обстоятельства. Эллиптирование слова, указывающего на вид объекта, ведёт топоним к субстанциальности. Иначе говоря, наделение объекта индивидуальным именем связывается с отвлечением индивидуализирующего признака от признака видового, классифицирующего. В целом же наименования географических объектов остаются во власти обусловивших их признаков – их качеств, отношений, принадлежности.

Описание движения топонимов от адъективности к субстанциальности не касается тех названий, которые были и остаются субстантивными как по происхождению, так и по функционированию в качестве топонимов: англ. *the Marsh, the Bog, the Marshes*, бел. *Балота, Мох* и др. Все приведенные примеры наглядно демонстрируют возможность онимической лексики обходиться без отвлечённого от предмета признака для наделения единичного объекта именем. Группа единиц, которая в

своём названии несёт исключительно указание на вид объекта, невелика, однако слова типа *marsh, swamp, bog, балота, мох* и некоторые другие фиксируются в большинстве многословных наименований болот США и Беларуси, сохраняются как номенклатурный термин. Этот факт позволяет отнести данные лексические единицы к числу бесспорных ядерных элементов топонимных систем США и Беларуси.

Наличие среди названий болот генетически разнородных единиц вполне соответствует логике постижения человеком мира через язык. Сначала представители рода *homo sapiens* зафиксировали в языковых единицах предметы/объекты окружающего мира, пока ещё не замечая многопризнаковости каждого из них. Только после этого они принялись разглядывать эти предметы /объекты и различать их признаки, “отрывая” их от конкретного носителя. Будучи номинированными единицами словаря человека, признаки получали возможность быть экстраполированными на новые объекты. Если в именах прилагательных номинированный признак получал свою актуализацию только при употреблении с субстантивом-носителем этого признака, то собственные имена, пусть единично, но указывающие на объект, вынуждены были вместить в себя как адъективные, так и субстантивные особенности.

Таким образом, процесс номинации географических объектов, исходит из представления об объекте и отражает в готовых номинативных единицах материальное выражение ономаσιологической структуры производного слова. Являясь вторичным по происхождению, топоним “пускает в обращение” те категории, которые уже выработаны в лексической системе территории. Общей чертой большинства гидронимных единиц является изменение от адъективности к субстанциальности. Исключительно гелонимное своеобразие состоит в преимущественно “отсылочном” характере наименований болот, предпочтении опоре на имена других географических реалий.

ЛИТЕРАТУРА

Блакiтная кнiга Беларусi: Водныя аб'екты Беларусi:Энцыклапедыя. – Мн: БЭ, 1994.

Энцыклапедыя прыроды Беларусi: У 5-цi т. Мн.: БелСЭ, 1983.

Geographical National Information System USGS GNIS

(<http://geonames.usgs.gov>)

Ковалёва Н.В. К вопросу о принципах номинации в топонимике //

Учёные записки Уральского университета, № 114. Серия филологии.

Выпуск 18. 1971. С. 133-136.

Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978.

Просвирнина И.С. Составные наименования в русской топонимии:

Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999.

Руденко Д.И. Имя в парадигмах “философии языка”. Харьков, 1990.

Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград, 2000.

Поступил в редакцию

Копач Олег Игоревич – аспирант кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ. Научный руководитель – профессор д.ф.н. Е.Н.Руденко

A.I.Korach Helonymy in the System of Toponymy: Onomasiological
Aspect